

Бочаров

Николай Федорович

Простите нас...

Николай Бочаров уходил служить в Армию из родительского дома, вернулся сюда же, до сегодняшнего дня живет в нем. А построили его родители Николая Федорович до революции, когда приехали, как тогда говорили из России, на вольные сибирские земли.

Родители крестьяне-единоличники Федор Тимофеевич и Анна Михайловна умели делать все. На первых порах построили землянку, вскорости перешли из нее в просторную по тем временам дом, который построил отец из красного леса. Дом этот даже сейчас впечатляет по качеству строительных работ. Внутри его чисто и уютно, о том, что сделан он более восьми десятков лет назад, напоминают полати, которые обязательно в те времена делались в горнице, под потолком.

Конечно, от времени он не так уж крепко держит зимой тепло, но это не умаляет того, что на- предки были мастерами, как принято говорить, на все руки.

Да и чтобы сохранить от разрушительной силы времени, согласитесь тоже надо умение, а точнее быть трудолюбивым. Эта черта была, что называется, в крови и у младшего из шестерых детей. Николая.

В сороковом году пришло время идти ему на действительную службу. В военкомате определили служить на Камчатку. На одном из островов там были военные базы. Теперь уже нет секрета в том, что «работали» эти базы на авиацию.

Стало быть, охранял рядовой солдат-сибиряк, в военном звании «стрелок» емкости с различным горючим, да складские помещения с оружием. А в сорок первом, как известно началась война. Чтобы там ни говорили, а иронизировать, мол, Камчатка от европейского театра военных действий очень уж далеко, поэтому служить можно было по принципу «солдат спит, а служба идет» могут только дилетанты. Охранять объекты военного назначения опасно для жизни было в те годы на Западе, что на Востоке.

Диверсии были и не так уж редко. Поэтому не случайно, после окончания войны Николая Бочаров и его однополчан наградили медалью «За победу над Германией».

Вручили ему и другую медаль, не менее важную — «За победу над Японией». Но о японцах он

знал не понаслышке. Охранял пленных, как их тогда называли, самураев.

— Так что же представляли из себя японцы - солдаты, как известно, воевавшие доблестно? — спрашиваю Николая Фёдоровича. В нашем плену боевой пыл у них, считайте, выветрился. Их ведь использовали на восстановительных работах, — вспоминает Бочаров, — враги наши, понятное дело. Но дело в том, что работать умели здорово. Это и запомнилось. Любую работу выполняли качественно, делали как будто для себя. Правда постоянно повторяли: «Хочу ехать в Токио». Домой значит.

Каждому пленному японцу выпала своя судьба: одни погибли, другие — вернулись домой.

А Николай Бочаров вернулся домой только в марте 1946 года. Брат Федор тоже с фронта, Бог миловал, вернулся в родительский дом живым.

А вот на брата Ивана еще в годы войны в отчий дом пришла похоронка.

Несмотря на бедствия военного лихолетья он был счастлив, что снова оказался дома живым и невредимым.

— Знаете, всю дорогу страх одолевал, — опять вспоминает Николай. — Семь суток пароходом до

большой земли добирался, а потом поездом почти полстраны проехал. Ну да ладно, победили лютого врага, остались живы. Погибшим — вечная память!

Мирный труд для бывшего солдата тоже был не из легких. За годы войны деревня совсем обнищала техникой, особенно в животноводстве. А он по большей части почти до пенсии трудился в этой отрасли.

Женился Николай на Лене Щеглеевой, которая тут, в далекой от фронта Сибири, о войне знала не понаслышке. Ее отец и два брата погибли отец и два брата погибли, защищая Отечество. Оплакать всех слез не хватило. В то время в Борках мужиков практически не было. Работала прицепщицей на тракторе, вручную порой убирала хлеба. А когда закончилась война, подмоги мужской в родной деревне не оказалось. С фронта вернулись всего – то трое: Федор Миленин, Егор Степанов, да брат Федор.

Вот и свела, должно быть опять же судьба Елену, великую труженицу тыла, с Николаем, солдатом победителем.

Есть имеющая великий смысл народная мудрость, о том, что жизнь прожить — не поле перейти.

Супруги Бочаровы сумели достойно пройти по ней, воспитав двоих детей. А что получили взамен за труд нелегкий по укреплению экономики колхоза, а стало быть, страны в целом? Если быть честным до конца — ничего. Очень скромную пенсию, да и только.

Елена Никоноровна вспоминает:

—Я долгие годы работала дояркой, лаборантом на ферме, учетчиком в животноводстве. Имею медаль «Ветеран труда». Все, что видите в доме, не сейчас куплено, а во времена так называемого «застоя».

Помните, как у нас, да во всех селах строили целые улицы новых домов объекты производственного и культурного назначения? На все были деньги и материалы. Сейчас все это приходит в упадок.

А на ферме что сейчас делается?

- Говорят что это издержки переходного периода к рынку, - вставляю я.

- Я с вами говорю серьезно а вы... - обиделась Елена Никоноровна.

Пришлось оправдываться: так нам внушают по телевизору, радио и в газетах реформаторы. Хотя я лично, вроде понимающий толк в экономике – тоже не согласен.

Елена Никоноровна успокоилась, а потом напоследок, вроде как пророчески сказала:

- Если в деревне стали днем и ночью на крепкие запоры закрывать ограды да хаты, завтра жди большой беды. Стало быть, человек свое человеческое обличье теряет.

Согласитесь, слова эти несколько спорны, но мысль для размышления она дала серьезную.

Проводить до калитки вызвался Николай Федорович. Переступив порог дома, он закурил папиросу, помешкав, должно быть собираясь с мыслями, сказал твердо:

- А ведь правду моя старуха говорит. Я тоже так бы сказал, только порезче.

Я правда мысленно ответил: «Простите нас...».

Литература:

Кадачигов В. Простите нас... / В. Кадачигов // Нива.- 1994.- 18 окт.- С. 3: ил.